

В. П. Воробьев

## О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЕБЕРОВСКОЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ПРИ АНАЛИЗЕ ПРИЧИН СОЦИАЛЬНОЙ АНОМИИ

*Аннотация.* Проанализирован эвристический потенциал типологии социального действия М. Вебера и возможность ее использования в процессе углубленной интерпретации теории социальной аномии. По мнению автора, классическая концепция аномии Э. Дюркгейма может быть истолкована в рамках методологического индивидуализма; при этом массовая деморализация, характерная для периодов быстрых социальных изменений, частично объясняется широким распространением ценностно-рационального типа социального поведения.

*Ключевые слова:* аномия, тип социального поведения, рациональность, целе-рациональность, ценностная рациональность.

*Abstract.* The article analyzes the heuristic potential of M. Weber's social action typology and the possibility to use it in comprehensive interpretation of the social Anomie theory. According to the author's opinion, E. Durkheim's Anomie theory can be explained on the basis of methodological individualism. In this case mass demoralization, typical for the period of rapid social changes, can be partly explained by the dissemination of value-rational type of social behavior.

*Key words:* anomie, type of social behavior, rationality, instrumental rationality, value rationality.

Важнейшей методологической проблемой, встающей перед каждым исследователем процесса социетальной трансформации, является возможность использования классических социологических теорий при анализе современных феноменов, характеризующих тенденции общественного развития на переломе различных эпох. По нашему мнению, идеи классиков социологической науки достаточно часто сохраняют свою эвристическую силу при описании вышеназванных феноменов, однако при этом необходимо, чтобы их концепции вступили в своеобразный творческий диалог, порой вопреки тому, что сами эти концепции в свое время воспринимались как конкурирующие и, более того, несовместимые.

Характерным примером продуктивности такого диалога является использование веберовской концепции социального действия для уточнения теории аномии Э. Дюркгейма.

Как известно, Дюркгейм выдвинул тезис о том, что в периоды «нарушения равновесия» (даже если следствием такого нарушения является рост благосостояния людей) в обществе начинают проявляться симптомы массовой деморализации, что в конечном итоге оборачивается резким увеличением числа социальных отклонений. Последнее может принимать такие крайние формы, к которым относится самоубийство [1, с. 228].

Данное положение Дюркгейма основано на богатом эмпирическом материале и до сих пор является одним из «краеугольных камней» социологической теории девиантного поведения. Некоторые проблемы возникают то-

гда, когда реализуются попытки интерпретации данного положения в духе методологического индивидуализма: «социологический реалист» Дюркгейм был противником данного принципа, в то время как современная девиантология не может обойтись без анализа социальных мотивов поведения на уровне конкретного индивида.

На первый взгляд, современная интерпретация причин социальной аномии с позиций методологического индивидуализма вполне логична: «Во времена быстрых социальных изменений... социальные экспектации становятся неопределенными и лишены силы консенсуса. Как следствие этого, люди приходят в замешательство по поводу того, что же считать нормальным, а что нет» [2, с. 310]. Между тем вопрос о росте уровня девиантности в переходном социуме в рамках такого подхода просто подменяется проблемой, связанной с относительностью и неопределенностью самого понятия девиантности в эпохи быстрых социальных изменений. В связи с этим можно выдвинуть внешне обоснованный тезис: если вчерашняя девиация становится нормой, тогда словосочетание «рост девиаций» оказывается бессмысленным. В принципе, с этим тезисом вполне можно было бы согласиться, если бы у Дюркгейма речь не шла о такой специфической форме девиантного поведения, как суицидальное. Согласимся: когда речь идет о самоубийстве, социальные экспектации демонстрируют определенность и однонаправленность даже в эпохи кризисов и революций.

В сущности, главным вопросом, связанным с современной интерпретацией известного положения Дюркгейма, является вопрос о причинах, по которым крушение отдельных (возможно, достаточно приоритетных) социальных ценностей вызывает резкое снижение статуса тех фрагментов ценностной системы, неизменность которых никто не подвергает сомнению.

По нашему мнению, при разрешении «парадокса Дюркгейма» современный исследователь может опереться на основные положения теории социального действия Макса Вебера. Как известно, знаменитая классификация, основанная на выделении традиционного, аффективного, ценностно-рационального и целерационального типов социального действия, использовалась Вебером для анализа элементарных поведенческих актов индивида в условиях социального взаимодействия. Эта типология позволяла четко показать уровень рационального контроля, характерного для различных социально-поведенческих актов. При этом данная модель могла быть использована при анализе социального поведения в обществах различного типа – нетрудно понять, что и в самом рациональном обществе имеются многочисленные примеры поступков, определяемых исключительно сильными эмоциями или просто привычкой.

Обратим особое внимание на то, что категории ценностной рациональности и целевой рациональности давно используются социологами для характеристики *типов социального поведения*, присущих, соответственно, традиционному и современному обществу; переход от ценностной рациональности к целевой при этом воспринимается как важнейшее направление глубинной модернизации социума. Само по себе использование этих категорий при анализе модернизационных процессов не вызывает возражения хотя бы потому, что, по мысли Вебера, многим идеально-типическим конструкциям присуще важное свойство: они «хотят быть или неосознанно являются идеальными

типами не только в *логическом*, но и в *практическом* смысле, а именно стремятся быть «образами» [3, с. 398]. Проблема заключается в другом: анализ *поведения* (не поступка, а именно поведения), которое ориентировано на целерациональность как на некий идеальный образец, нуждается в модификации самого этого понятия.

Напомним, что Вебер определял ценностную рациональность как способ поведения в соответствии с осознанными заповедями, способ, при котором данные заповеди выполняются, невзирая на последствия [3, с. 629]. Понятие рациональности в данном случае указывает на необходимость акта индивидуальной рефлексии в ситуации принятия конкретного жизненного решения.

Детально Вебер анализирует основные характеристики целевой рациональности: «...целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально *рассматривает* отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу... Выбор между конкурирующими и сталкивающимися целями и следствиями может быть в свою очередь ориентирован *ценностно-рационально* – тогда поведение целерационально только по своим средствам» [3, с. 629]. «Абсолютную целерациональность», доведенную до уровня так называемого «принципа предельной полезности», Вебер при этом рассматривал в качестве пограничного случая [3, с. 630].

Здесь наиболее интересен вопрос об исходных основаниях целерационального поведения. Очевидно, что такими основаниями по-прежнему являются *ценности* человека – в противном случае постановка вопроса об отношении возможных целей друг к другу не имела бы смысла. Столь же непонятными были бы и сами источники целеполагания, поскольку они носят культурный характер и выходят за рамки удовлетворения первичных потребностей человека. Все это заставляет любого социолога включать ценности в идеальную схему поведенческих систем, ориентированных на целевую рациональность.

Аналогичным образом обстоит дело и с ценностной рациональностью: попытки описать соответствующий тип социального поведения без анализа феномена цели наталкиваются на очевидные препятствия. Главное из таких препятствий – неразрывная связь целеполагания с особенностями психической жизни человека (вне зависимости от типа общества). Абсурдно предполагать, что, к примеру, жизнь средневекового рыцаря (а рыцарская этика – любимый всеми исследователями Вебера пример ценностной рациональности) лишена цели. Со времен Аристотеля ценностная проблематика была ориентирована на поиски исходного основания целеполагания (учение о наивысшем благе) [4, с. 54–55]; в этом смысле ценность по определению не может ни при каких условиях не обладать приоритетом по отношению к цели.

Таким образом, если говорить о человеческом поведении как о системе действий, бессмысленно предполагать, что одна из таких систем строится по принципу «ценность без целей», а другая – по принципу «цель без ценностей».

Видимо, нужны совершенно иные критерии, которые позволяли бы отделять ценностную рациональность (повторимся – как господствующую ориентацию всей системы поступков личности в конкретном социуме) от целевой. По нашему мнению, эти критерии логически можно вывести, опираясь именно на веберовскую модель.

Во-первых, переход от ценностной рациональности к целевой знаменует отделение цели от ценности. В ценностно-рациональной модели такая автономия целей невозможна: «заповеди» слишком синкретичны для этого. Только целерациональность позволяет говорить о рациональном сравнении целей не только с точки зрения их соответствия неким идеалам, но в плане их реальной достижимости, сопряженности этих целей с теми или иными потенциальными издержками и т.д.

Во-вторых, отделение целей от ценностей с неизбежностью приводит к автономизации средств по отношению к ценностям (главный удар по рыцарской этике). Наиболее драматичный аспект, связанный с появлением этого признака, состоит в неизбежности появления трагических коллизий в системе «ценность – цель – средство достижения цели». Дело в том, что средства для достижения целей, вытекающих из некой ценностной системы, могут противоречить самой этой ценностной системе (в этой связи можно вспомнить хотя бы выкладки Макиавелли). Данная коллизия возможна в чистом виде только тогда, когда и средства, и цели поверяются в рамках одной ценностной системы (иначе само сопоставление «благородные цели – дурные средства» не имело бы смысла), но в то же время частично автономны по отношению к нравственному сознанию. Кстати, когда нередко говорят о возможности некоего преобладания средств над целью, тоже допускают логическую ошибку: если средства в моральном отношении ставятся выше цели, это говорит о том, что главной целью человека является именно следование идеальной нормативной схеме (подобный подход к морали, между прочим, есть основа той же рыцарской этики).

В-третьих, можно говорить об отделении знания от ценностей. Появление науки как системы общезначимого, внеценностного знания, возникновение техники и технологии (в широком смысле) как совокупности автономных от ценностей умений и навыков также теснейшим образом связано с «расколдовыванием» мира.

В-четвертых, целерациональная ориентация поведенческих систем предполагает несовпадение ценностей и норм: формализм последних в целом ряде ситуаций становится несовместимым с этикой ответственности и оказывается непригодным для рационального разрешения указанного выше противоречия между целями и средствами.

Таким образом, главное отличие между ценностно-рациональным и целерациональным типами социального поведения заключается не в том, что первое ориентировано на ценность, а второе – на цель, а в том, что первое предполагает синкретизм в системе «ценность – цель – средства», второе же знаменует частичную автономизацию этих составляющих.

Как это ни парадоксально, именно целевая рациональность позволяет говорить о ценностях в строгом смысле этого слова: она «высвобождает» ценности из системы синкретических личностных установок и позволяет говорить о них как об иерархии исходных культурно обусловленных личных

*предпочтений*<sup>1</sup> человека, а именно в таком значении сам термин «ценность» становится незаменимым (нетрудно понять, что при описании ценностной рациональности понятие «ценностный» вполне можно заменить, к примеру, термином «нормативный», а само слово «ценность» – словом «добродетель»).

Вебер, в частности, подчеркивал, что рациональная этика отделяет нормативное знание от эмпирически данного [6, с. 60]. Развивая эту мысль немецкого социолога, можно прийти к выводу, что устойчивость этических норм, их неподатливость по отношению к коллизиям «эмпирически данного» связана именно с их рационализацией. Но в таком случае степень рационализации этических систем должна коррелировать со степенью их устойчивости перед лицом радикальных социальных изменений. Как мы видели, только переход к целевой рациональности приводит к формированию автономного ценностного сознания в его современной – «идеальной», абстрактной и отрефлексированной – форме. В свою очередь, степень рационализации ключевых социальных ценностей является важнейшим фактором, усиливающим стабильность всей ценностной системы, ее способность противостоять разрушительному влиянию социальных сдвигов.

Если же говорить о ценностной рациональности как идеальной нормативной модели, то она подразумевает установление более или менее четкой рефлексивной связи между реальным поступком и идеальной нормативной схемой поведения (и в этом ее отличие от традиционного и аффективного типов социального действия), однако эта рефлексия серьезнейшим образом ограничена: всякое вопрошание по поводу обоснования наиболее важных целей и источника самого образца не приветствуется, ибо оно несовместимо с синкретизмом ценностно-рационального поведения. Фиксация абстрактной, «идеальной» ценности в качестве того, что стоит и за нормами, и за целями, и за одобряемыми средствами достижения целей, разрушает синкретичность основных жизненных установок, в то время как этот синкретизм является едва ли не краеугольным камнем «этики убеждения». Срастание ценностей с осознанной (т.е. в определенной степени тоже рационализированной), но чересчур жесткой нормативной схемой приводит к тому, что в условиях крушения важных фрагментов этой системы она начинает размываться целиком. Это, собственно, и приводит к аномизации общества.

Таким образом, «парадокс Дюркгейма» в его чистом виде может проявляться именно при господстве ценностной рациональности в системе культурных установок значительной массы населения: этот тип социального поведения предполагает сохранение синкретизма в системе «ценность – знание – цель – средства» и, что для нас в данном случае еще важнее, сохранение синкретизма в рамках самой ценностно-нормативной системы.

#### *Список литературы*

1. **Дюркгейм, Э.** Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М. : Мысль, 1994. – 339 с.
2. **Бергер, П.** Социология: Биографический подход / П. Бергер, Б. Бергер // Личностно ориентированная социология. – М. : Академический проект, 2004. – 608 с.

---

<sup>1</sup> В этой связи можно вспомнить классическую дефиницию ценности, принадлежащую Рокичу [5, р. 5].

3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
4. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения : в 4 т. – М., 1983. – Т. 4. – С. 54–55.
5. Rokeach, M. The Nature of Human Values / M. Rokeach. – N. Y., 1973.
6. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.

---

***Воробьев Владимир Павлович***

доктор социологических наук,  
профессор, кафедра государственного  
управления и социологии региона,  
Пензенский государственный  
университет

E-mail: [vvp@sura.ru](mailto:vvp@sura.ru)

***Vorobyov Vladimir Pavlovich***

Doctor of sociological sciences,  
professor, sub-department of public  
administration and regional sociology,  
Penza State University

---

УДК 316.282, 316.253

**Воробьев, В. П.**

**О возможности использования веберовской теории социального действия при анализе причин социальной аномии / В. П. Воробьев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – № 4 (20). – С. 79–84.**